

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА: К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ ВОЙНЫ И БУНТА

© Руслана Станиславовна ПЕРЕСЛАВЦЕВА

Воронежская городская дума, г. Воронеж, Российская Федерация,
кандидат филологических наук, руководитель информационно-аналитического
управления, e-mail: west30@yandex.ru

Предпринимается попытка анализа темы Первой мировой войны в творчестве И.А. Бунина. Данная тема актуализирована в рассказах писателя «Последняя весна», «Последняя осень», дневниках И.А. Бунина. Первая мировая война в творчестве писателя оказывается напрямую связанной с темами самоопределения и дальнейшего пути «страны» и «государства». Анализ указанных произведений позволяет сделать вывод о противопоставлении данных понятий в творчестве И.А. Бунина. Война предстает в творчестве автора не только как катализатор разрушения «обыденного мира», милитаризации сознания крестьян, но и как главная сила, подрывающая основы государства, отбрасывающая Российскую империю в эпоху раздробленной Руси монгольского нашествия. Выявление в рассказе «Последняя весна» прецедентного текста «Капитанской дочки» А.С. Пушкина служит своего рода маркером отношения автора к современным ему событиям разрушения российской государственности. Согласно И.А. Бунину, Первая мировая война моделирует ситуацию, когда на место «государева слуги», которым становился крестьянин, рекрутированный в мирное время, приходил в буквальном смысле «человек с ружьем», идущий на непонятную ему войну от скуки и жестокости. Важно, что пушкинский текст актуализируется не только в художественном творчестве И.А. Бунина, но и в его «Дневниках», впоследствии частично вошедших в «Окаянные дни». Он также способствует выявлению оппозиции понятий «Россия» и «Русь» в указанных произведениях И.А. Бунина как оппозиции государства, культуры и стихийного разгула, энтропии. И.А. Бунин делал вывод об отсутствии понятия «патриотизм» в сознании народа, готового отождествить немцев с помещиками, исходя из принципа неприкосновенности собственных избы и земли. Согласно И.А. Бунину, крестьянам неведомы и чужды интересы государства, чем, по сути, писатель объясняет дальнейший вектор развития событий в России во время революции и гражданской войны.

Ключевые слова: русская литература; литературоведение; творчество И.А. Бунина; тема Первой мировой войны; прецедентные тексты А.С. Пушкина.

Н. Поселягин в статье «Антропологический поворот в российских гуманитарных науках» пишет о том, что «в числе основных проблем, которые поднимает антропологический поворот, – проблемы идентичности «себя» и «другого», движение «от себя к другому» [1]. На наш взгляд, наибольшей актуализации эти вопросы достигают в переломные, кризисные моменты истории, моменты цивилизационного и культурного сдвигов.

Безусловно, к таким периодам можно отнести Первую мировую войну. Т.А. Николова в своей работе «Проблема национального самосознания в русской литературе военных лет» приводит цитату из Анны Ахматовой: «XX век начался осенью 1914 года вместе с войной» [2, с. 28].

Тема Первой мировой войны занимает важное место в творчестве И.А. Бунина. Непосредственно о военных действиях 1914–1918 гг. он не писал, справедливо полагая, что сиюминутный отклик на событие такого масштаба может вылиться только в «барабанную лирику». Первой мировой войне

уделяется значительное внимание в бунинских дневниках 1914–1918 гг., записи из которых становятся отправной точкой для создания рассказов 1916 г. «Последняя весна» и «Последняя осень».

По мнению Е.А. Лазанской, писатель стремится показать «теневую» сторону войны: «внимание писателя сфокусировано на жизни «обычного человека» [3, с. 37-38].

Иван Бунин узнал о начале войны во время своего путешествия по Волге. В дневниковой записи от 21 июня 1914 г. тема войны напрямую связана с темой революции: «Война России за Сербию, а затем революция в России... Конец всей нашей прежней жизни» [4, с. 116].

Война, по мысли писателя, служит катализатором разрушения «обыденного мира», «неоспоримыми ценностями» которого являются, по мнению О.В. Пустовойтовой, «стабильность, основательность, постоянство» [5].

В рассказе «Последняя весна» рассказчик и природный мир погружены в атмосфе-

ру «пасхального переживания» [6, с. 133]: «К вечеру все убрано, все чисто, в полном порядке» [7, с. 293]; «В этих милых, как бы шутивых переливах такая весенняя прелесть, такая сладость жизни, надежд, счастья, что никакими словами не скажешь» [7, с. 292], «Блаженно дремлют ястреба, нежно сливаются со снегами и туманом, со всем этим густым, мягким и светло-белым, чем полон счастливый предвесенний мир» [7, с. 289], «Какая радость, молодость, этот предрассветный час! Валенки, полушубок – все счастье» [7, с. 287].

В то же время Пасха, знаменующая Воскресение Христово, в разговоре крестьян редуцирована до бытового бегства от войны и представлена как некий временной и политический рубеж, к которому «народ «обязательно» ждет мира» [4, с. 290]. Жители «деревни» демонстрируют внешнее отношение к вере – на уровне соблюдения формальных обрядов, свойственных христианским праздникам.

Т.А. Никонова пишет, что «органическое слияние человека и земли, человека и людей – первое и главное условие *жизни* (курсив автора. – Р. П.) на войне» [8, с. 77], в данном случае профанирование «пасхального переживания» сигнализирует об ориентированности крестьян на низший мир – хаоса и смерти. Так, Светлое Воскресение завершается проводами молодого крестьянина на фронт. Мотив спасения мира и человека замещается мотивом смерти без возможности воскресения.

По наблюдению Е.С. Сеньянской, в силу того, что во время мировых войн в армию призывают мирных людей, у последних существенно меняется психология. В ходе войны у них появляется «опыт, противоположный ценностям, установкам, нравственным и правовым нормам гражданского общества – опыт «профессионально убивать» [9].

Милитаризованное сознание мы видим у крестьянина, нещадно бьющего лошадь, провалившуюся в «большую колдобину», у Мотьки, стреляющего по галкам, чтобы научиться убивать и затем «проситься на войну», потому что в деревне **скучно** («а что тут сидеть?») [7, с. 289]). Причем, и своя, и чужая жизнь представляются ему бессмысленными и ничего не стоящими: «– А не боишься, что убьют на войне? – Ну что ж, пускай убивают. Авось нас, молодых, и так немного осталось.

Да я и сам немало перебую, покуда убьют» [7, с. 289].

Т.Ю. Сидорина справедливо пишет, что «мировая война несет с собой человечеству глубокий духовный кризис», «духовные последствия войны не менее значимы, чем последствия экономические и политические» [10, с. 291].

Кризисная ситуация духовного и нравственного одичания человека и, как следствие, разрушения «обыденного мира» и государства, согласно И. Бунину, происходит в русской истории не в первый раз, но, возможно, в последний.

По наблюдению О.А. Бердниковой, «метаисторизм в целом характерен для художественного мышления писателей и поэтов Серебряного века, стремившихся осознать происходящее в России в русле аналогий с подобными потрясениями в прошлом: эпохой Петра I, татаро-монгольским нашествием, периодом Смутного времени» [6, с. 95].

Если природная жизнь следует Божественному замыслу, бытийному и вечному началу, то в «обыденном мире» Первая мировая война приводит к разрушению веры, расчеловечиванию людей, отрыву их от родовых корней, возвращению в эпоху феодальной раздробленности, которая на Руси закончилась татаро-монгольским нашествием. Неслучайно время, описываемое в рассказе «Первая весна», напоминает Ивану Бунину «Древнюю Русь» [7, с. 291].

26 августа 1917 г. писатель записывает: «Нынче читаю о Владимирско-Суздальском царстве в книге Полевого. Леса, болота, мерзкий климат – и, вероятно, мерзейший, дикий и вульгарно-злой народ» [11]. Хотя традиционно Владимирско-Суздальское княжество считается колыбелью великорусской народности, писатель предлагает диаметрально противоположную точку зрения. По мысли автора, обособленность, погруженность русского народа только в свои сиюминутные проблемы, сужение территориальных границ страны до размеров своего дома и надела – родом из эпохи феодальной раздробленности. В рассказе «Последняя осень» Петр Архипов говорит: «Нам, мужикам, надо одно: ничего никому не давать, никого к себе с этими поборами и реквизициями не пускать. Чтобы никто к нам не ходил, ничего нашего не брал. Ни немец, ни свой» [7, с. 298]. В своих дневниках писатель горько иронизирует над устоявшимся, ложным

«представлением о организаторских способностях русского народа», подчеркивая, что «нигде в мире нет такой безорганизации!.. **Каждый живет только для себя** (выделено мной. – *Р. П.*)» (запись от 21 марта 1916 г.) [4, с. 127]. Жизнь в отрыве от родового начала приводит в Древней Руси к татаро-монгольскому игу, в современной Бунину России – «к нашествию» большевиков. В дневниковой записи от 3/16 января 1920 г. Вера Бунина цитирует слова мужа: «Троцкий правит Россией и что же? Не желают или не могут свергнуть это иго. Двести лет под татарами сидели, теперь советской власти подчиняются» [4, с. 273].

В дневниковых записях и в творчестве Ивана Бунина периода Первой мировой войны и последовавшей революции и гражданской войны важную роль играет противопоставление понятий «Русь» и «Россия».

Понятие «Русь», **этническое** название восточнославянских племен, для писателя – понятие, связанное с низшей, разрушительной стихией, с энтропией. Оно символизирует не только время феодальной раздробленности, но и состояние отрыва народа от родовых корней, сосредоточенности исключительно на собственных переживаниях и благах, сужение понятия страны до размеров дома и надела, забвение идеи патриотизма, православия и чувства собственно Родины, родовой и культурной памяти. Проявлением «подлинной Руси» [4, с. 274] становятся для четы Буниных беженцы в Новороссийске, люди, занятые только спасением своей жизни, при этом полностью потерявшие человеческий облик.

Понятие «Россия» носит **национально-культурный, православный и политический характер**, обозначает в творчестве писателя «Родину» и «государство», которые во многом для Ивана Бунина синонимичны.

В дневниковой записи от 13/26 декабря 1919 г. Вера Бунина приводит следующее высказывание мужа: «Я признавал мир, где есть I, II, III классы... Во всем чувствуется культура (Бунин пишет об особом запахе (!), присущем этому миру. – *Р. П.*). А теперь ничего этого нет. Никогда я не примерюсь с тем, что **разрушена Россия, что из сильного государства она превратилась в слабейшее** (выделено мной. – *Р. П.*)» [4, с. 267]. Практически одновременно встречаем в дневнике Веры Буниной запись, характеризующую писателей «Единой Руси»: «**Им и Россию**

хочется превратить в «Единую Русь», а не в Великую Россию (выделено мной. – *Р. П.*). Вот, в чем трагедия» [4, с. 268]. Отъезд из России в эмиграцию в 1921 г. сопоставим для писателя со смертью («радость жизни убита войной, революцией» [11]), причем не только личной, но и Родины: «Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию» [11].

Образ сильного, стабильного, православного государства, образ Родины остается лишь в воспоминаниях, в реальности замещающаяся варварской, «**жадной, нелепой сволочью Русью**» (выделено мной. – *Р. П.*)» [11]. Также образ «Руси» неоднократно возникает в размышлениях Ивана Бунина над несовпадением реального образа «простого человека», жителя «деревни», с образом народа, представленным в современной писателю литературе.

Писатель приходит к мысли, что общинной психологии русского народа в реальности, возможно, никогда и не существовало, она была всего-навсего «литературным фактом», заблуждением интеллигенции. По мысли И. Бунина, вместо «мудрости, патриотизма, мессианства» (запись от 1 апреля 1916 г.) [4, с. 130] в эпоху смуты в крестьянах торжествует «атавизм» – «жажда саморазорения», «в этом **вся Русь** (выделено мной. – *Р. П.*)» (запись от 23 мая 1916 г.) [4, с. 131].

Процесс разрушения человека и государства, ускоренный Первой мировой войной, согласно И. Бунину, ведет к революции, неслучайно актуальный исторический период напоминает писателю время пугачевского бунта, также хронологически совпадающее с войной – первой турецкой.

Война, переходящая в бунт, вызывает в памяти повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

А. Баженова определяет прецедентные тексты как «потенциально автономные смысловые блоки речевого произведения, актуализирующие значимую для автора фоновую информацию и апеллирующие к «культурной памяти» читателя» [12, с. 107].

Отправляясь под вечер в село Знаменское, рассказчик неожиданно сбивается с дороги. Вынырнувший из потонувшей в сугробах избы крестьянин предлагает ему показать «табельную дорогу». Вспомним, в главе «Вожатый» Гринев сбивается с пути в степи во время вьюги, неожиданно появляется прохожий, который позже оказывается Пугачевым, и выводит героя «на твердую полосу».

Достаточно сравнить нижеприведенные фрагменты из рассказа И.А. Бунина и повести А.С. Пушкина, чтобы увидеть совпадение не только в похожем лексическом и образном ряду, но и в идейном содержании.

Сравним: **И.А. Бунин**: «Въехав в село, сбились, не знали, по какой дороге ехать назад. А дело уже к сумеркам... Наконец, из-за сугроба, из маленькой черной двери потонувшей в снегу избы, вылез мужик и, не проваливаясь, в разбитых валенках, перешел по сугробам к нам. Узкая рыжая борода, тонкий восковой нос, легкий армяк и ореховая ...шапка. Подойдя, сперва **внимательно оглядел пестрыми глазами** лошадь, сани, нас, потом, не спеша сказал мне: – А ты, государь милый, не тут едешь. **Тут дороги нету. Табельная дорога там.** Поезжай за мной... И повел лошадь, переваливая нас с сугроба на сугроб... (текст везде выделен мной. – *Р. П.*)» [7, с. 287-288];

А.С. Пушкин: «Я приближался к месту моего назначения. Все покрыто было снегом. **Солнце садилось... Около кибитки подымался сугроб... Вдруг увидел я что-то черное...** Через две минуты мы поравнялись с человеком... – **Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе,** – отвечал дорожный. **Лошади тяжело ступали по глубокому снегу...** В черной бороде его показывалась проседь; **живые большие глаза так и бегали. ...На нем был оборванный армяк** и татарские шаровары... (текст везде выделен мной. – *Р. П.*)» [16, с. 236-240].

Явление в рассказе прецедентного текста «Капитанской дочки» закономерно. И. Бунин всегда мечтал быть «вторым Пушкиным» и в юности подражал великому поэту «даже в почерке». Он трижды становился лауреатом Пушкинской премии, а в 1911 г. был награжден золотой медалью им. А.С. Пушкина.

Аллюзии и перифразы из стихотворений А.С. Пушкина можно обнаружить не только в бунинской лирике. Например, в рассказе «Последняя весна» встречаются отсылки к хрестоматийным стихотворениям Александра Сергеевича: «грусть зимнего вечера» [7, с. 290], «легкий мороз, и пригревает солнце» [7, с. 289], «черно сереют инеем леса» [7, с. 287]. Неоднократно обращается И. Бунин в своих дневниковых записях к образу Емельяна Пугачева.

В записи от 2/15 апреля 1917 г. он прямо цитирует «Капитанскую дочку»: «Полудикие народы... их поминутные возмущения, не-

привычка к законам и гражд. жизни, легкомыслие и жестокость...» («Капитанская дочка»). Это чудесное определение очень подходит **ко всему рус. народу** (выделено мной. – *Р. П.*)» [11]. А в дневниковой записи от 27 сентября 1917 г. писатель фактически перефразирует вышеприведенный текст: «Как возможно народоправство, если **нет знания своего государства, ощущения его, русской земли, а не своей только десятины!**.. Злой народ! **Участвовать** в общественной жизни, **в управлении государством – не могут, не хотят за всю историю** (выделено мной. – *Р. П.*)» [11].

Емельян Пугачев в повести А.С. Пушкина появляется из метели, имеющей в литературе зачастую inferнальную коннотацию, вспомним стихотворение поэта «Бесы». В фрагменте рассказа «Последняя весна» слова мужика в армяке, появившегося как бы из преисподней, «из-за сугроба, из маленькой черной двери потонувшей в снегу избы» («в иконописи черным закрашивали пещеры – символы могилы – и зияющую адскую бездну» [14]), можно интерпретировать как знак, что Россия потеряла правильное направление движения («тут дороги нету»), находится на перепутье.

Кстати, и название сборника дневниковых записей периода русской революции и гражданской войны «Окаянные дни», предполагаем, восходит к библейскому контексту не непосредственно, а через перефразируемые слова Емельяна Пугачева, сказанные А. Суворову: «Господу угодно было наказать Россию через мое окаянство» [цит. по: 15].

Таким образом, Иван Бунин, вслед за автором «Капитанской дочки», не снимает ответственности за складывающуюся кризисную ситуацию со всех сословий России, виновны и вовлечены в русскую смуту все. Недаром у Петра Гринева, следуя логике повести, оказывается два отца – родной и посаженный (Емельян Пугачев). Александр Пушкин подчеркивал: «Злой роялист не лучше злого яacobинца. На свете есть только одна хорошая партия: друзей человечества и добра. Они в политике составляют то же, что эклектики в философии» [цит. по: 16, с. 203]. По мысли И.В. Немировского, «поэту (А.С. Пушкину. – *Р. П.*) ...близок пафос единства «нравственности частной и государственной» [16, с. 204].

Первая мировая война моделирует ситуацию, когда вместо «государева слуги»,

которым становился крестьянин, рекрутированный в мирное время, мы видим в буквальном смысле «человека с ружьем», идущего на непонятную ему войну от скуки и жестокости. А.И. Иванов пишет: «Если в мирное время уход в армию для крестьянина означал, что он становился человеком, несущим «государеву службу», то... во время войны «солдат идет на войну с тем, чтобы умереть» [17, с. 94]. В рассказе «Последняя осень» Мишка, вернувшийся на побывку, дает следующую характеристику русской армии, набранной из ополченцев: «А войска наши какие? Легулярные войска, какие были настоящие, царские, все там остались, а это ополченье – какие это войска? Привезут их на позицию, а они все и разбегутся» [7, с. 297].

В дневниковой записи от 5 апреля 1916 г. Иван Бунин отмечает: «Все думаю о той лжи, что в газетах насчет патриотизма народа. А война мужикам так осточертела, что даже не интересуется никто, когда рассказываешь, как наши дела. «Да что, пора бросать. А то и в лавках товару стало мало. Бывало, зайдешь в лавку...» и т. д.» [11].

О феномене отсутствия в народе патриотизма говорит не только И. Бунин. К этой же проблеме обращался и легендарный генерал А.А. Брусилов. Он полагал, что вопрос упирался не столько в неэффективность государственной пропагандистской машины по «подготовке умов народа к войне», сколько «в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения» [9]. Генерал подчеркивает: «Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой стране?» [Цит. по: 9].

В рассказе «Последняя осень» мужики уважительно говорят только об одном военачальнике: «Миколай Миколаевич Младший, вот это воин». Он имплицитно обозначает образ «добротого царя», который заботится о солдатах, а недобросовестным «господам офицерам» «без всякой церемонии шашкой голову долой» [4, с. 298]. В роли губителя «миллионов» солдатских жизней выступает «Сухомлин», имеется в виду военный министр В.А. Сухомлинов, которого в 1915 г.

стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии, впоследствии под давлением общественного мнения был уволен царем, в апреле 1916 г. арестован и содержался в Петропавловской крепости. Не зная об аресте министра, хотя на дворе стоит уже осень 1916 г., мужики уверены, что он остался безнаказанным: «Его давно покрыли и спрятали!» [7, с. 298]. Петр Архипов рассуждает: «Сейчас вон опять берут, а зачем? Чтобы последних перебить? Вы, барин, – дерзко и громко спросил он, – вы нам уж откровенно скажите, **какая ваша задача: чтобы нас всех перебить** (выделено мной. – Р. П.), а скотину порезать да в окопах стравить?» [7, с. 299].

В рассказах «Последняя весна» и «Последняя осень» И. Бунин акцентирует внимание на враждебно-насмешливом отношении крестьян к рассказчику, который по их мысли «откупился» от войны и откровенно бездельничает: «Ишь шатаются, ходят! Их и на войну не берут!» [7, с. 289]; «Вы бы лучше на войну шли, чем тут без дела окопачиваться! – негромко и злобно сказал он нам сквозь зубы, дергая вожжи и работая кнутовищем» [4, с. 292]; «Все гуляете?» [7, с. 296]; «Господам, говорят, хорошо: посиживают, говорят, себе дома!» [7, с. 296], «Ходишь, гуляешь... Напился чаю и гуляй» [7, с. 291].

И. Бунин четко показывает, что Первая мировая война ведет к зарождению радикального противостояния внутри самого общества – ключевое понятие «свой» – «чужой» оказывается перенесенным с внешнего, заграничного театра военных действий на территорию России, внутрь страны. Е.А. Лазанская замечает: «Сквозь облик Первой мировой войны в 1916 г. уже просвечивает война гражданская. Оппозиция *свои – чужие* – главная в мужицком сознании военного времени, и включает она в моменте противостояние *мы / они* (курсив везде автора. – Р. П.) не только немцев» [3, с. 39]. И. Бунин в дневниковых записях фиксирует также пренебрежительно-презрительное, враждебное отношение крестьян не только к «господам хорошим», но и к представителям своего сословия: «О своих односельчанах как о швали говорил» (дневниковая запись от 8 октября 1917 г.) [4]. Врагом для них может стать даже родной человек.

В силу деформации общинного сознания, отрыва от родовых корней, упадка патриотизма, усугубления проблемы противо-

стояния «свой / чужой», несоответствия царя народным чаяниям («Вот он на Париж полез, да завяз! Всю свою державу ранеными забил!» [4, с. 294]; «Погоди, и до царя дойдут. Что ж он весь народ на эту войну обобрал? Вон опять надо на Красную Горку рекрутов отправлять. Разве это дело? Вся Россия опустела, затихла!» [4, с. 294]), **крестьяне** из «государевых слуг» превращаются в одичавших – морально и физически – «людей с ружьем» и **готовы пойти за любым самозванцем, даже за немцами.**

В дневниковой записи И. Бунина от 3 августа 1917 г. читаем: «Разговор, начатый мною, опять о русском народе. Какой ужас! В такое небывалое время не выделил из себя никого, управляется Гоцами, Данами, каким-то Авксентьевым, каким-то Керенским и т. д.!» [11]. Е.А. Лазанская, исследуя тему войны в «Окаянных днях», приходит к выводу, что «многими вчерашние «враги» стали восприниматься как «избавители»: «Все уверены, что занятие России немцами началось. Говорит об этом и народ: «Ну, вот немец придет, наведет порядок» [3, с. 41]. В рассказах «Последняя весна» и «Последняя осень» мы видим, что реальные враги – немцы – вызывают у крестьян симпатию: «Заговорили о войне, Федька и баба стала хвалить заграничное житье, о котором рассказывают пленные. – Вот, например, ученье в школах – у нас и у немцев... У нас все учительницы, а их никто не слушается – «и что они могут знать?» [4, с. 288]; «– Его, врага-то, видать, нашими овцами не затопчешь!» [4]; «– Чем мы его выгонять будем? У нас и пушек нет, одни шестидюймовые мортиры. – Откуда ты это взял? – Агитаторы говорят. Да я и сам знаю. – Нет, у нас теперь всего много. И пушек и снарядов. – Нет, одни шестидюймовки. А крепостную артиллерию возить не на чем. – Опять неправда. – Какой там неправда! По этаким дорогам разве ее свезешь на лошадях? Только лошадей подушишь. Станешь ее вытаскивать, а она на два аршина в землю ушла, а хобот и совсем в грязи не видать. Нет, это вам не немцы! – А что ж немцы? – А то, что немец рельсы проложил – везет и везет» [4, с. 297]. Закономерно, что крестьяне в рассказе «Последняя осень» «никакой нашей победы не чают» [7, с. 298].

Первая мировая война, согласно И. Бунину, становится катализатором русской смуты, разрушения государства и Отечества, которое для мужиков сужается и замещается

понятием «своей десятины», а сильное государство Россия теряет вектор поступательного движения, превращается в варварскую «Русь».

Для самого писателя важным созидательным звеном, опорой становится культурная память, способная сохранить образ разрушенного Первой мировой войной русского «обыденного мира», стабильного, счастливого, открытого для «пасхального переживания», исполненного патриотизма, любви к Родине и служению государству.

1. *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // НЛЮ. 2012. № 113. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/po5.html> (дата обращения: 17.10.2013).
2. *Никонова Т.А.* Проблема национального самосознания в русской литературе военных лет // Тема войны в литературе XX века: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Воронеж, 2005. С. 27–35.
3. *Лазанская Е.В.* Первая мировая война в общественном восприятии 1916–1918 годов (И.А. Бунин, «Последняя весна», «Последняя осень», «Окаянные дни») // Тема войны в литературе XX века: межвузовский сборник научных трудов, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Воронеж, 2005. С. 36–42.
4. *Бунин И.А., Бунина В.Н.* Устами Буниных. Дневники / сост. М. Грин: в 2 т. М., 2004. Т. 1.
5. *Пустовойтова О.В.* Феномен повседневности в прозе И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2013.
6. *Бердникова О.А.* «Так сладок сердцу Божий мир»: творчество И.А. Бунина в контексте христианских традиций. Воронеж, 2009.
7. *Бунин И.А.* Поэзия и проза. М., 1986.
8. *Никонова Т.А.* Чтоб человеком ты родился и человеком остался (В. Распутин) // Человек и война в русском художественном сознании XX века: сборник научных работ. Воронеж, 2000. С. 75–83.
9. *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. URL: http://www.krotov.info/library/18_s/en/yavskaya_00.htm (дата обращения: 17.10.2013).
10. *Сидорина Т.Ю.* Философия кризиса. М., 2003.
11. *Бунин И.А.* Дневники. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/dnevniki-bunina-1.htm> (дата обращения: 01.09.2013).
12. *Баженова Е.А.* Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.

13. *Пушкин А.С.* Сочинения: в 3 т. М., 1987. Т. 3. Проза.
 14. Мир Православия. URL: <http://orthodoxworld.ru> (дата обращения: 17.10.2013).
 15. *Керсновский А.А.* История Русской армии // Проект «Военная литература»: militera.lib.ru. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html> (дата обращения: 28.10.2013).
 16. *Немировский И.В.* Идеиная проблематика стихотворения Пушкина «Кинжал» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 195-204.
 17. *Иванов А.И.* Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4 (38). С. 87-96.
 6. *Berdnikova O.A.* “Tak sladok serdtsu Bozhii mir”: tvorchestvo I.A. Bunina v kontekste khristianskikh traditsiy. Voronezh, 2009.
 7. *Bunin I.A.* Poeziya i proza. M., 1986.
 8. *Nikonova T.A.* Chtob chelovekom ty rodilsya i chelovekom ostalsya (V. Rasputin) // Chelovek i voyna v russkom khudozhestvennom soznanii XX veka: sbornik nauchnykh rabot. Voronezh, 2000. S. 75-83.
 9. *Senyavskaya E.S.* Psikhologiya voyny v XX veke: istoricheskiy opyt Rossii. M., 1999. URL: http://www.krotov.info/library/18_s/en/yavskaya_00.htm (дата обращения: 17.10.2013).
 10. *Sidorina T.Yu.* Filosofiya krizisa. M., 2003.
 11. *Bunin I.A.* Dnevnik. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/dnevnik-bunina-1.htm> (дата обращения: 01.09.2013).
 12. *Bazhenova E.A.* Intertekstual'nost' // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka. M., 2006.
 13. *Pushkin A.S.* Sochineniya: v 3 t. M., 1987. Т. 3. Проза.
 14. Мир Православия. URL: <http://orthodoxworld.ru> (дата обращения: 17.10.2013).
 15. *Kersnovskiy A.A.* Istoriya Russkoy armii // Proekt “Voennaya literatura”: militera.lib.ru. URL: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html> (дата обращения: 28.10.2013).
 16. *Nemirovskiy I.V.* Ideynaya problematika stikhotvoreniya Pushkina “Kinzhall” // Pushkin. Issledovaniya i materialy. L., 1991. Т. 14. С. 195-204.
 17. *Ivanov A.I.* Oblik russkogo soldata v otechestvennoy literature perioda Pervoy mirovoy voyny (1914–1918 gg.) // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 4 (38). S. 87-96.
-
1. *Poselyagin N.* Antropologicheskiy povorot v rossiyskikh gumanitarnykh naukakh // NLO. 2012. № 113. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/113/po5.html> (дата обращения: 17.10.2013).
 2. *Nikonova T.A.* Problema natsional'nogo samosoznaniya v russkoy literature voennykh let // Tema voyny v literature KhKh veka: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 60-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. Voronezh, 2005. S. 27-35.
 3. *Lazanskaya E.V.* Pervaya mirovaya voyna v obshchestvennom vospriyatii 1916–1918 godov (I.A. Bunin, “Poslednyaya vesna”, “Poslednyaya osen”, “Okayannye dni”) // Tema voyny v literature XX veka: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy 60-letiyu Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg. Voronezh, 2005. S. 36-42.
 4. *Bunin I.A., Bunina V.N.* Ustami Buninykh. Dnevnik / sost. M. Grin: v 2 t. M., 2004. Т. 1.
 5. *Pustovoytova O.V.* Fenomen povsednevnosti v proze I.A. Bunina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2013.

Поступила в редакцию 14.12.2013 г.

UDC 821.161.1

WORLD WAR I IN WORK OF I.A. BUNIN: TO QUESTION OF GENETIC CONNECTION BETWEEN WAR AND REBELLION

Ruslana Stanislavovna PERESLAVTSEVA, Voronezh State Duma, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Philology, Head of Information and Analytic Management, e-mail: west30@yandex.ru

There is an attempt to analyze the theme of World War I in the work of I.A. Bunin. This topic is actualized in the stories of the writer “The Last Spring”, “Last fall”, diaries of I.A. Bunin. World War I in the writer’s work is directly related to the topics of self-determination and the future path of the “country” and “state”. The analysis of these works suggests the opposition of these concepts in the work of I.A. Bunin. War appears in the work of the author not only as a catalyst for the destruction of “the everyday world”, the militarization of consciousness of the peasants, but also as the main force, undermining the foundations of the state, bringing Russian empire in the era of fragmented Mongol invasion of Rus. The identification in the story “The Last Spring” precedent text “Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin as a kind of marker of the author’s relationship to contemporary events destruction of Russian statehood. According to I.A. Bunin World War I simulates a situation where

instead of “sovereign’s servant”, which became a peasant recruit in peacetime, literally “man with a gun” came, going on an incomprehensible war on him from boredom and cruelty. It is important that Pushkin’s text updated not only in art, I.A. Bunin, but in his “Diaries”, later partly included in the “Cursed Days”. It also serves as disclosing of the opposition “Russia” and “Rus” in these works by I.A. Bunin as opposition nations, cultures and natural binge entropy. I.A. Bunin concluded that there is no concept of “patriotism” in consciousness of people, ready to identify Germans with landowners on the principle of the inviolability of their own cottages and land. According to I.A. Bunin the interests of the state, which essentially the writer explains the vector of further events in Russia during revolution and Civil War are unknown and alien to peasants.

Key words: Russian literature; literature study; work of I.A. Bunin; theme of World War I; precedential texts of A.S Pushkin.